

ненію. Книга Бабста, который предназначалъ себя для занятій историческихъ, но, приглашенный въ Казань на кафедру политической экономіи, посвятилъ свои силы этой наукѣ,—имѣла предметомъ переходную эпоху въ исторіи Греціи между битвами при Мантинеѣ и Херонеѣ. Въ мантинейской битвѣ было окончательно подорвано спартанское преобладаніе надъ Греціей, но тутъ же палъ и Эпаминондъ, и греки впали въ состояніе политическаго раздробленія и безсилія. Въ херонейской же битвѣ, около 20 лѣтъ спустя, было положено начало македонскому владычеству.

Время между этими битвами въ глазахъ молодого историка было временемъ полного упадка какъ нравовъ, такъ и идеаловъ. Государственные люди тогдашней Греціи жили, по его мнѣнію, только мыслію о прошломъ; единственною практическою цѣлью ихъ было возрожденіе нравственныхъ основъ древняго быта; будущаго они не понимали и не умѣли приготовить; они не выставили ни новаго идеала, основаннаго на политическомъ единствѣ, ни новыхъ теорій государственныхъ. Это недостающее Греціи единство было принесено македонскимъ владычествомъ. Въ немъ заключалась слѣдовательно будущность Греціи. Съ этой точки зрѣнія авторъ судить о дѣятельности государственныхъ людей того времени: онъ открыто сочувствуетъ Эсхину, стороннику Македоніи, и защищаетъ его противъ обвиненій, которыя выставилъ противъ него Демосеенъ, поборникъ афинской независимости. Этому взгляду автора рецензентъ противопоставляетъ совершенно другой. Споръ въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ, идетъ о томъ, долженъ ли и историкъ осуждать тѣхъ, кто былъ осужденъ ходомъ исторіи; долженъ ли онъ ихъ упрекать въ близорукости или отсутствіи идеализма, если они не содѣйствовали тому новому, чтò приносила съ собою исторія, а, напротивъ, противились ему, живя въ своихъ старыхъ идеалахъ; вопросъ и здѣсь въ томъ, дѣйствительно ли эти идеалы устарѣли и не заключали въ себѣ ничего способнаго къ новой, лучшей жизни?

Рецензентъ упрекаетъ автора въ томъ, что онъ въ своихъ требованіяхъ не всегда соображается съ условіями самой эпохи, которая составляла предметъ его изслѣдованія, а иногда слишкомъ замѣтно смотритъ на нее съ точки зрѣнія послѣдующей исторіи. Отъ великихъ людей Греціи въ эпоху ея распаденія мы бы хотѣли,—говоритъ Кудрявцевъ,—чтобы ихъ главною задачею было единство Греціи. Легко дѣлать намъ подобныя требованія, когда мы знаемъ положительно, что за эпохою распаденія слѣдовало время македонскаго владычества. Предшествую-